

Юрий ЛИННИК

г. Петрозаводск

ВЫБОРГ

ПРОЛОГ

К телу России привито несколько кусочков Запада – Кенигсберг, Выборг, Сортавала.

Имплантиция заведомо не удалась – тканевая несовместимость очевидна.

Это фатально?

Или преодолимо?

Хочется верить: однажды мы впишемся в европейскую цивилизацию – выполним завет Петра.

Чей это город – Выборг? Wiborg? Viipur? Спор о его сущностной принадлежности не закончен.

Карл Фёдорович Дершау – барон, генерал-лейтенант, Санкт-Петербургский обер-полицмейстер, комендант Або, участник наполеоновских войн, издатель «Финского вестника», дал своё решение вопроса. Спорное, но эвристичное! Он писал в 1842 г.: *«Жители Выборгские большею частью потомки выходцев древней Дании и Германии, которые, свикшись с языком и обычаями Шведов и Финнов, составляют странное смешение нравов и языка. Одним словом, это немцы на финско-шведский лад».*

Не упрощена ли работа смесителя?

Выборг философичен.

Заглянув в историческую глубину, мы увидим: он и *West*, и *Ost* – отъял пространство от владений Новгорода Великого, веками пикировался с Русью.

Была рознь – был и обмен.

Противоборство не исключало связей.

Легенда говорит: шведский король Магнус II, принявший православие, похоронен на Валааме. Это новгородская земля.

Стратиграфия усложняется!

Чистых пластов нет и в помине – из-под заступа выходит смесь.

У берегов Балтики доселе не умолкает эхо дискуссии, которую вели наши западники и славянофилы – волновавшая их проблематика не потеряла актуальности. Создаётся ощущение: она завязана гордиевым узлом. Меч здесь показал своё полное бессилие.

В 1710 г. Старая Финляндия стала частью Российской Империи.

В 1809 г. эта участь постигла Новую Финляндию.

Произошла инвазия западного в восточное. Был ли для России толк? Увы, никакого – оздоравливающие вливания не были усвоены. Наобо-

I. БАЗИС

СВЯТОЙ СКАЛЬД

рот: порой они вызывали то крупные, то локальные воспалительные процессы.

Состыковка оказалась мучительной – и для этносов, и для индивидов.

Это хорошо видно на судьбе сказительницы Ларин Параске. Из деревни Лемпаала её выдали замуж в деревню Васкела. Это рядом – рукой подать. Но два соседних селения разделены фундаментальной границей. По одну сторону – крепостное право, по другую сторону – вольное крестьянство. Ларин Параске пришлось выплачивать выкуп помещику. Таковы последствия территориальной экспансии России: к несвободному присоединяли свободное – из-за взаимной чужеродности возникала масса земельных конфликтов. Несогласованность права, законодательства! Отсюда колобродица. Её было вдоволь после и 1710, и 1809 гг.

Крепостное право – убийца России.

Сегодня это начинает осознаться: мы так и не сняли с себя рабского быдла.

Не научились мыслить и действовать самостоятельно.

Бесмысленно шипим на либерализм.

Тогда как Выборг – по генотипу своему – как раз либерал.

Удалось ли сломать его наследственность?

Или сработал иммунитет – с расчётом на будущее?

Выборг был одним из самых открытых городов Европы. Это его удел: стоять на перекрёстке культур – осуществлять их синтез.

Что мы видим после 1944 г.?

Открытое – закрывают. Плотно, наглухо! Город отрезан от привычных связей железным занавесом. Он деградирует.

Какая высокая культура здесь некогда цвела!

Мысленно перенесёмся в 1893 г.

Выборг широко отмечает праздник «*Pro Carelia*». Он станет кульминацией национального романтизма.

Сценарий исторической кавалькады разработает Якоб Аренберг.

Увертюру сочинит молодой Ян Сибелиус.

Кулисы распишут Аксель Галлен-Каллела и Эмиль Викстрём.

Им будет помогать студент Элиель Сааринен.

На праздник пригласят Ларин Параске.

Её портреты создадут Ээро Ярнефельт и Альберт Эдельфельт.

Цвет финской нации!

Хочу оживить память Выборга.

Над Выборгом возносится – мощным фортиссимо озвучивает весь пейзаж – башня Святого Олафа. Ею увенчан *донжон* знаменитого замка – башня в периметре крепостных стен.

Духом Олафа овеивается широчайшее пространство окрест.

Взяв севернее, мы оказываемся в Савонлинна, бывшем Нейшлоте – там находится Олавинлинна, крепость Святого Олафа (1475 г.).

Сменив направление на южное, мы попадаем в Таллинн – его украшением является церковь Олевисте, посвящённая норвежскому святому (1267 г.).

Расширив диапазон по широте в сторону Запада, мы увидим отражающийся в зеркале фиорда Тронхейм – город славится изумительным готическим собором (1070 – 1320 гг.); под его сенью покоится прах Олафа II, *именуемого вечным королём и покровителем Норвегии*.

Двинувшись на Восток, мы задержимся в Новгороде Великом – пусть виртуально, только в пространстве памяти, но на Ярославовом дворище там доселе неисповедимо присутствует церковь Святого Олафа; основанная в XII в., она физически просуществовала два столетия – местный люд её называл *варяжской божицей*.

Интересная деталь: при раскопках новгородского Николо-Дворищенского собора в 2007 г. была найдена плomba XV в. с изображением Святого Олафа. Невозможно установить, в какой стране она произведена. Это как бы интернациональный артефакт. Он является своеобразным свидетельством того, что к этому времени культ Олафа распространился во многих европейских странах. Пломбами такого типа купцы скрепляли тюки с тканями. Откуда только их не везли в столицу Северной Руси! Через неё пролегал путь *из варяг в греки*. Две его взаимодальнейшие точки – Старая Ладога и Константинополь – были отмечены церквями Святого Олафа.

А туманный Альбион?

Там церквей с таким посвящением насчитывалось более сорока.

Откроем наши православные Святыцы.

Господи, да здесь целых три дня – 29 июля, 3 августа и 16 октября – связаны с поминовением Святого Олафа!

Это *наш святой*.

Разве сие не удивительно?

И не промыслительно?

В России пишут иконы Святого Олафа – издают его житие – ставят ему свечи.

Глядя на башню Святого Олафа, я вижу в ней точку чаемой *конвергенции* Запада и Востока – выборгский донжон парит поверх раскола.

Как началась *дивергенция*?

Вспомним известное.

В 1054 г. Патриарх Константинопольский Михаил Керуларий потребовал равного почитания с Папой Римским. Это не были личные амбиции – речь шла о соборном единстве церквей, исключаящем доминирование одной из них.

Запад отверг притязания Востока.

Многие давно наметившиеся разногласия обрели выпуклость и остроту.

Служить на латыни в Царьграде с 1053 г. не разрешалось.

Крайняя форма остракизма! Элемент неумной, мелочной, невротической мстительности тут налицо.

Заметим: этим прещением было положено начало своеобразной традиции – Восток всегда брал верх над Западом по критерию нетерпимости.

Папа Лев IX послал в Византию своих легатов. Возглавлявший их кардинал Гумберт несколько превысил данные ему полномочия, анафемствовав Патриарха – тот парировал вызов ответной анафемой.

Началось бесконечное, тянущееся по сей день противоборство.

В 1965 г. взаимные анафемы были сняты.

Раскол остался.

Очень важно подчеркнуть: глубина этого раскола была осознана далеко не сразу – неоднократно делались попытки сближения и примирения. Характерная деталь: западные рыцари шли освобождать Гроб Господень через Константинополь – расхождение тогда ещё не воспринимались как *великая схизма*. Имело место сотрудничество. Впрочем, 1204 г. даёт контрпример: крестоносцы опустошают столицу Византии – подчистую грабят население; попутно губят ценнейшие памятники античности.

Но вот позитив: попытки уний.

Сколько раз со стороны Запада наводились мосты?

Увы, конечный результат неутешителен: поиски компромисса фатально заводили в тупик.

Первый Рим проявлял гибкость – второй Рим выказывал жёсткость.

Результат известен: под натиском ислама твердыня православия рухнула – пережившая величайшие унижения Византия была стёрта с лица Земли.

Третий Рим унаследовал от прямого предшественника отсутствие лабильности. Ныне он оказался в удивительно схожей ситуации. Самозамыкание и консерватизм – лютая ненависть к Западу – неадек-

ватность имперских амбиций – активность ислама внутри страны и рядом с её границами: исторические коллизии могут повторяться с точностью до изоморфизма.

Почему сегодня Олаф Святой обретает особую притягательность?

Пропасть между Западом и Востоком снова начинает расти и углубляться.

А ведь это *последний* святой неразделённой Церкви!

Олаф Святой (995 – 1030) был прославлен через год после своей смерти. Спустя двадцать три года грянула великая схизма.

Почитание Олафа – как хрупкая связка: целостность христианского мира с треском разошлась по шву – а эта ниточка чудом уцелела. Так и тянется доселе от одного края пропасти к другому.

Мучительно рождавшуюся норвежскую государственность Олаф II хотел напитать христианским духом. Принято считать, что он крестился в 1013 году в Руане – сразу возникает ассоциация с прекрасным собором, который при разном освещении энное число раз писал Клод Моне. Однако имеются и другие версии: место крещения Олафа – или Киев, или Новгород.

В наш сюжет входит русская тема.

Скоро она получит развитие.

А пока мысленно перенесёмся в Норвегию 1015 года. Двадцатилетний Олаф вступил на престол. Время сложное. Три варяжских страны – Норвегия, Швеция, Дания – затянута в вихрь конфликтов. Ещё много столетий он будет гулять над Скандинавией.

Нынешний момент отмечен возрастанием напряжённости в отношениях со Швецией.

Какой ход сделать?

В Европе уже опробован и обкатан действенный приём: заключение равнородного брака, сближающего – теснее некуда – враждующие стороны.

Брак-примиритель! Хотя он не мог давать гарантию, но в ретроспективе это смотрится красиво и вдохновляюще: межгосударственные и межэтнические союзы – на брачном ложе – содействуют преодолению розни.

Вот пример браков, которые заключили дети Ярослава Мудрого: сыновья взяли в жёны польскую королевну, греческую царевну, двух немецких принцесс; у дочерей спектр не менее широкий – на них остановили выбор норвежский, венгерский и французский короли.

Благодаря таким бракосочетаниям в Ойкумене шли на убыль силы отчуждения.

Пусть не разительно, но уменьшался риск конфликтов.

Усобицы замирялись.

Росло взаимопонимание.

Олаф II решил использовать хорошо зарекомендовавшую себя схему. Так получилось, что прагматический расчёт в нашем случае счастливо совпал с искренним чувством – норвежского жениха и шведскую невесту связала трепетная любовь, оставившая след в предании.

Невесту звали Ингигерда. Она была на шесть лет младше Олафа. Её отец – шведский король Олаф Шётконунг; мать Астрид имела славянские корни – происходила из ободритов.

Во имя обеспечения мира между Норвегией и Швецией тинг в Упсале постановил выдать Ингигерду за Олафа – отец невесты, с неприязнью относившийся к норвежскому тёзке, приглушил своё недовольство.

Свадьбу решили сыграть на порубежной реке Эльв. Символичное место! Вчера лучники с противоположных берегов метили друг в друга. Теперь и там, и здесь будут расставлены праздничные столы, мёд наполнит золотые и серебряные сосуды. С нетерпением осенью 1018 г. Олаф II спешил на свадьбу.

И что же?

Достигнув цели, он должен был пережить шок: никто его не встречал – ни невеста, ни её отец, ни шумные гости.

Пустота и тишина!

Как так?

Это ли не оскорбление!

Вскоре стало ясно: вопреки договорённости, Ингигерду выдали за русского князя Ярицлейва – он же Ярослав Мудрый. Это об их обильном потомстве мы только что говорили.

Ингигерда на Руси стала Ириной по созвучию имён. В приданое она получила Альдегаборг – Старую Ладугу. А.М. Шёнгрэн убедительно доказывал: топоним *Ингерманландия* происходит отсюда – земля Ингигерды, по финскому произношению *Ингеринмаа*.

Ингигерда-Ирина ярко проявила себя в русской истории. Вот она возглавляет войско, направленное против Брячислава, – попадает в плен – и там миротворствует. Князя находят согласие, приняв предложенный ею вариант компромисса. И впоследствии ей не раз придётся выполнять роль дипломата.

А вот мы видим Ирину как создательницу первого женского монастыря.

А вот в 1045 году она участвует в закладке Софийского собора в Новгороде.

Овдовев в 1054 году, Ирина уединяется в созданном ею монастыре уже на правах насельницы – так была на Руси положена традиция великокня-

жеского и царского пострижения. Перед смертью, последовавшей в 1056 году, она принимает схиму с именем Анна – и теперь глядит на нас с икон: архиепископом Евфимием в 1439 году было установлено её почитание. Святая Анна – покровительница Новгорода Великого.

Сколь сильно разошлись жизненные линии Олафа и Ингигерды!

Но были и пересечения.

Одно небесное – это святость: над обоими сияют нимбы.

Другое земное: взаимная тяга так и не обвенчавшихся жениха и невесты – наперекор горестным обстоятельствам – всё же получила удовлетворение.

В 1028 г. Олаф был смещён с престола.

Убежище он нашел в Великом Новгороде – Ярослав принял его с радушием.

А Ирина тем более.

За конунгом Норвегии, обретшим святость, закрепилось нелицеприятное прозвище: *Олаф Толстый*. Об этом нужно вспомнить сейчас – когда мы процитируем «Круг земной» Снорри Стурлусона. В состав этой книги входит «Сага об Олафе Святом».

Отец гордо рассказывает дочери о своих военных трофеях.

Дочь отвечает ему:

– Пять тетеревов за одно утро – это большая добыча, государь, но всё же большей была добыча Олафа конунга, когда он за одно утро захватил пятёрых конунгов и завладел всеми их землями.

Услышав такие слова, он соскочил с лошади, повернулся к дочери и сказал:

– Знаешь, Ингигерда, как бы ты ни любила этого толстяка, тебе не бывать его женой, а ему твоим мужем. Я выдам тебя замуж за такого правителя, который достоин моей дружбы. Но я никогда не стану другом человека, который захватывал мои владения и причинял мне много ущерба грабежами и убийствами.

На этом их разговор закончился, и каждый пошел к себе.

Отец решил судьбу дочери, не посчитавшись с её чувством.

И вот встреча в Новгороде Великом.

«Прядь об Эймунде Хрингссоне» проговаривает: *«они любили друг друга тайной любовью».*

Возможные последствия этой любви ныне пытаются выявить учёные, исследуя генотип современных Рюриковичей – «скандинавская» и «славянская» гаплогруппы (соответственно N1c1 и R1a) образуют в нём сложный контрапункт. Высвечивается такая возможность: Всеволод Ярос-

лавич – отец Владимира Мономаха – фактически был сыном Олафа и Ингигерды.

Впрочем, не будем вторгаться в интимные сферы – так или иначе, но источники молчат о каких-либо признаках ревности со стороны Ярослава. К норвежскому собрату он обнаруживает полное расположение. Вот ещё фрагмент из текста Снорри Стурлусона: *«Приехав в Гардарики, Олав конунг предавался глубоким раздумьям и размышлениям о том, как ему быть дальше. Ярицлейв конунг и его жена Ингигерд предлагали Олаву конунгу остаться у них и стать правителем страны, которая называется Вульгария. Она составляет часть Гардарики, и народ в ней некрещённый. Олав конунг стал обдумывать это предложение. Но когда он рассказал о нём своим людям, те стали его отговаривать от того, чтобы он остался в Гардарики, и убеждали его вернуться в Норвегию в свои владения. У конунга была также мысль сложить с себя звание конунга и поехать в Йорсалир или другие святые места и принять обет послушания».*

Вульгария – это приволжская Булгария: как бы повернулась её история под патронажем скандинава?

А Йорсалир – это Иерусалим: попробуем представить монашество Олафа на Святой земле.

Веер вероятий!

Сбылось одно: Олаф рискнул вернуться в Норвегию – и вскоре погиб в битве при Стикластадире.

По настоянию Ингигерды малолетний сын Олафа – будущий король Магнус Добрый – остался в Новгороде. Он был принят в семью Ярослава как родное дитя.

Когда Олаф покидал дружественный Хольмгард, его одолевали горестные предчувствия – сага с проникновенным психологизмом повествует об этом: *«И он сомневался, стоит ли испытывать судьбу и отправляться с таким небольшим войском навстречу своим врагам, когда весь народ примкнул к ним и выступает против него. Он часто думал обо всём этом и обращал свои мысли к Богу, прося, чтобы Бог указал, как ему лучше всего поступить. Все эти мысли не давали ему покоя, и он не знал, что ему делать, ибо видел, что ему не миновать беды, как бы он ни поступил».*

Силы в последнем сражении Олафа действительно оказались неравными: на стороне конунга – немногим более 3000, против него – около 10000 воинов.

Наше внимание должны привлечь два аспекта этой битвы:

– в сознании Олафа она являла, помимо попытки вернуть власть, ещё и стремление усилить в стране положение христианства – он готов был принять помощь лишь от тех, кто разделял его

религиозные убеждения; так что в определённом смысле Олаф ополчился не только против датского короля Кнуда Великого, своего прямого соперника-единоверца – неявным антагонистом конунга было ещё и язычество;

– выдающуюся роль в боевых действиях сыграли *поэты-скальды*: они не просто пели славу, создавая духоподъёмную, пафосную, бодрую атмосферу – они проливали кровь.

Прекрасно понимая, что при столь явном численном превосходстве противника рассчитывать на победу трудно, Олаф уповал на тот чудесный прирост силы, который может дать вера. По его просьбе было выяснено: в стане конунга – почти тысяча язычников. Им было предложено принять крещение. Многие уклонились – покинули конунга. Но важна сама установка: полагаться лишь на тех, кто осенил себя крестом.

Вот как этот момент комментирует русское житие Олафа Святого: *«Почему так поступал св. Олаф? Он поступал так потому, что не хотел, чтобы из-за него гибли некрещённые люди, для которых после смерти не было открыто Царство Небесное. С другой стороны, те, кто приходили к нему и соглашались креститься, получали от него наставление в вере. Вот почему он не пренебрегал брать к себе и разбойников, что приводило к их исправлению (подобно тому, как это случилось с благоразумным разбойником, распятым вместе со Христом)».*

Нетривиальный подход! Он дополняет общепринятое истолкование действий конунга.

Автором процитированного текста является протоиерей Стефан Красовицкий (род. 1935 г.). В юности он заявил себя как уникальный поэт. А потом порвал с музой, безоглядно уйдя к Богу.

Подвизался на Валааме.

Философствовал на тему единства русского и европейского Севера.

Составленное протоиереем житие Олафа несёт на себе печать его выдающегося литературного дарования. Позволив себе некоторое уклонение от темы, процитируем стихи агиографа:

*А в окошке от Москвы
до Костромы
все меняется, меняемся и мы.
Все краснеет, кровянеет
все подряд.
Но еще в душе белеет
белоснежный сад.*

Такой сад цвёл в душе Олафа Святого. Белизна – на кровавом фоне: эти краски сейчас очень подходят.

Жизнь святого пришлась на время перехода Норвегии от язычества к христианству. Противоречивый, болезненный, сложный процесс! Отразились ли его антиномии в сердце конунга? Вспомним «Исповедь» Августина: она гениально передаёт и двоеения ищущей души, и её конечный бросок к истине – безоглядчивое приятие Христа.

Поразительным пластическим аналогом к тексту Августина является известный иконографический образ Олафа Святого.

Подойдём к западному фасаду собора в Тронхейме.

Вот он, Олаф, – в ряду других подвижников. Из этого ряда его выделяет уникальная деталь.

Олаф изображён как драконоборец – ваятель реализует архетип, широко известный по ключевому сюжету, связанному с великомучеником Георгием. Это вариация на тему – в терминах В.В.Иванова и В.Н. Топорова – *основного мифа*. Началом светлым поражается начало тёмное. Но парадокс заключается в том, что здесь эти начала завязаны в один узел – противоборство предстаёт как внутреннее борение.

Всмотримся в лицо дракона.

Ведь это лицо самого святого!

Олаф глядит на нас дважды: с позиций и попирающего, и попираемого – и победителя, и побеждённого.

Гениальное, беспрецедентное, ошеломительное решение темы *внутренней брани!*

Олаф-христианин торжествует над Олафом-язычником.

Образ потрясает своей исповедальной искренностью и открытостью. Герой открывается настоящей – приукрашивание исключено. Были – заблуждения, есть – алетейя. Переход от одного к другому оказался отнюдь не простым. Нам поведано о его напряжённом драматизме.

Скульптура философична. Высвечивая глубины бессознательного, она помогает человеку нащупать в них корни тёмного, дочеловеческого – и решительно вырвать их. Это своего рода психоанализ до психоанализа. В каждом из нас обитает негативный двойник. Скульптура обнаруживает его, подвергая мифологическому переосмыслению – наше *alter ego* подано как враждебное существо.

Своеобычную параллель к образу Олафа, восторжествовавшего над всем хтоническим, архаическим в себе, даёт царь Кекроп на западном фронте афинского Акрополя. По своей анатомии он был похож на гигантов: получеловек-полужмя. И вот мы видим неожиданное развитие образа: уже вполне человек, двуногий и прямохо-

дящий, Кекроп восседает на змеином тулове, свёрнутом в кольца.

Здесь та же идея! Но в другом символическом воплощении.

Высшее возносится над низшим!

Человеческое доминирует над звериным!

Обе статуи эксплицитно содержат в себе глубокий эволюционный смысл. При разном семантическом наполнении они запечатлевают рывок от старого к новому – преодоление старого.

Оба лика Олафа, совмещённые в пространстве одной композиции, принадлежат разным онтологическим и ценностным измерениям – являют из себя напряжённую антитезу.

Борис Пастернак писал:

С кем протекли его боренья?

С самим собой, с самим собой.

Подобные боренья характерны для переходного времени – когда одна религия решительно вытесняет другую. Интереснейший феномен двоеверия – как бы зеркало подобных эпох. Внутри него мы видим и бури, и гладь – ценности то пребывают в остром конфликте, то находят компромисс между собой.

Принятие христианства в разных странах – как правило – было связано с фазой двоеверия.

Дракон под стопами Олафа: мы видим не труп – на нас глядит живое существо, ещё полное жизненных сил.

Христианское берёт верх – но языческое удерживается.

Аналог этой ситуации мы находим в истории *скальдической поэзии*.

Олаф I – предок Олафа II – круто направил Норвегию в русло христианства. Он готов был разом оборвать связь с традицией. О, фанатизм неопитов! Прошлое им видится как заблуждение. Они объявляют ему ультиматум – и рьяно иссекают память родины.

Поначалу Олаф I решительно встал на этот путь.

Но всё же вовремя остановился, несколько смягчив свою позицию.

Однажды случилось так, что конунг услышал стихи скальда Халльфреда – в них восславлялся Один. Олаф I прогневался. Он бросил поэту: «*Это плохие стихи, и ты должен искупить их*». Ладно, что не оторвал голову – дал шанс исправиться.

Непросто далось Халльфреду искупление вины перед конунгом-христианином. Олаф I дал ему характерное прозвище: *Трудный Скальд*.

Пришлось ломать себя.

Мучительный формализм!

Халльфред признаётся:

*...неохотно я
стал врагом первого мужа Фригг
(= Одина), ибо Христу служим мы.*

Вчера восхваляли Одина – сегодня восславляем Христа.

Вчера пили *мёд поэзии* – напиток вдохновения, замешанный на крови *Квасира*; теперь говорим: вдохновение – дуновение Духа Божьего.

Резкая переориентация!

Радикальное переключение!

Могут ли старые формы вместить новые смыслы?

Не сломаются ли при такой перезагрузке?

Олаф I правил в 995 – 1000 гг. В эпоху Олафа II двоеверие оставалось реальностью. Оплотом его стала Исландия – каменистое, фонтанирующее гейзерами обиталище скальдов, давшее миру впечатляющий пример того, сколь благодетельной может быть островная изоляция для духа свободы.

В «Младшей Эдде» мы находим знаменитый «Перечень скальдов». Список включает имя Олафа Святого.

Самоочевидно, что это противоречие: классические жанры – драпы, флокки, висы, ниды – должны обслуживать интересы пришедшей идеологии. Мы ведь помним, как смущались наши сказители, когда им предлагали петь об успехах социализма. Не имело ли место нечто подобное в средневековой Норвегии? Конечно же, наше несколько рискованное сопоставление имеет сугубо условный и чисто системный характер. Но расцвет и упадок великих традиций подчиняется одинаковым законам. Разнятся темпы.

Языческая в своей сути, русская былина долго уживалась с христианской культурой – счёт совместного бытования идёт на многие века. Но ещё раз пришла новь – и она умерла скоростижно. Поэзия скальдов тоже удерживалась достаточно долго. Она увяла в XIV веке. Перемены всегда токсичны для родного, исконного. Былина выработала иммунитет против вторжения чуждой тематики. Как бы перекинула её в духовные стихи. Это всё же нечто самостоятельное, суверенное. А вот скальдические жанры легко уступили натиску новизны. И сразу начали терять в естественности, живости.

Почему мы говорим об этом так подробно?

Потому что как раз во времена Олафов I и II христианство стало подтачивать устои скальдической поэзии. Но до обострения кризиса было ещё далеко! Как-никак, а впереди маячила грандиозная фигура Снорри Стурлусона (1178 – 1241) – хранителя архетипов древности. И языческую

«Старшую Эдду» Сэмунда Мудрого (1053 – 1133) – его прямое авторство ныне оспорено, эпос много старше – запишут лишь в XIII веке.

При христианине Олафе Святом творили настоящие скальды. Да, многие из них крестились – но языческая почва продолжала питать их поэзию.

Пусть это субъективно, но скажу так: с высоты башни Святого Олафа можно увидеть скальдическую Исландию – Выборг чудесно уменьшает, порой сводит на нет немалое расстояние.

Конунг необратимо принял христианскую модель мира.

Однако в юности он исповедовал совсем другую сакральную космологию.

Перед мысленным взором Олафа стояло древо Иггдрасиль. Пронизая Универсум, оно делило его на три части:

I. Асгард: небо – будущее – боги.

II. Мидгард: земля – настоящее – люди.

III. Хель: подземный мир – прошлое – умершие.

«Старшая Эдда» проводит нас по всем этим трём ярусам Мирового Древа.

Из эпической поэзии выросла поэзия скальдическая. Панегирик стал её главным жанром – воспевалась воинская доблесть.

Стих – обычно это был отрывистый, будто рубленый, энергоёмкий *дротткветт* – читался, а не пелся.

Акомпанемент отсутствовал.

Внутренние рифмы и аллитерации придавали пространству стиха – при всей его сжатости и экономности – необыкновенную гулкость, отзывчивость, раскатистость.

Вот пример:

Вал завыл, сломал

Весь навес древес.

Это отрывок из «Драпы об Олафе Шведском» скальда Оттара Чёрного в блистательном переводе С.В. Петрова – он адекватен оригиналу и сущностно, и фонетически.

Поэзия скальдов изобилует так называемыми *кеннингами*.

Это своеобразные метафоры-переименования.

Для них весьма характерны неожиданные столкновения смыслов. Образная ткань стиха становится похожей на своеобразную шифrogramму. Ассоциации причудливы, парадоксальны. Но тем сильнее их художественный эффект.

Приведём некоторые кеннинги.

Гуси битвы – стрелы.

Вебрь волн – корабль.

Пламя моря – золото.

Философски осмысливая кеннинги, М.И. Стеблин-Каменский успешно применяет к ним понятие *партиципации*, введённое Л. Леви-Брюлем. Оно указывает на свойственное языческому миру чувство *причастности* всего всему. Бытие ещё не разложено на классификационные ячейки. В нём всё едино – всё готово к взаимопереходу – всё подвержено метаморфозам.

Вот ещё один кеннинг – поэтическая кодировка корабля: *олень заливов*. А вот как сказано о лесе: *озеро елей*. Элементы, принадлежащие разным сферам – здесь воде и суше – снимают разделительные границы. Разнопорядковые явления ауткаются, сближаются, отождествляются. Они легко меняются местами, игнорируя логику привычных отношений.

Интересная тенденция: с внедрением в поэзию скальдов христианских мотивов кеннинги идут на убыль – волшебство метафоры вытесняется рационалистическим, строго однозначным восприятием вещей.

Олаф Святой жил в окружении выдающихся скальдов. Они были приближены к конунгу больше, нежели чиновники, – Олаф Святой строил свою политику с опорой на поэзию.

Это импонирует!

Благодаря возвышению поэзии общество накапливало позитивные нравственные качества. Человеческие души утончались, облагораживались.

С уже упомянутым нами скальдом Оттаром Чёрным связана поучительная история. Он дерзнул посвятить *мансёнг* – любовный стих – не кому-нибудь, а самой Астрид, жене Олафа Святого. Она была сестрой Ингигерды. За несдержанный порыв чувств поэт был посажен под замок. Его родной дядя – прославленный скальд Сигват – посоветовал опальному племяннику откупиться стихами. Их высокое качество впечатлило Олафа Святого. Он сменил гнев на милость.

Восславление чужой возлюбленной противоречило этике. Здесь намечается крайне важная для нас параллель с рыцарством. В средневековом кодексе чести было соответствующее установление. Отметим, что сам жанр *мансёнг* восходит – есть доказательства такого генезиса – к провансальским образцам. Скальды – и рыцари: нам интересно любое – пусть и опосредованное – проявление этой связи.

Ведь Выборг основан рыцарями!

Скандинавские рыцари: скальдическая – а значит, языческая – подоснова не могла вовсе исчезнуть из их картины мира.

Рыцарь-скальд!

Такое словосочетание может напоминать оксюморон. Однако оно кажется нам допустимым. Геро-

ическая смерть Олафа Святого в битве при Стикклстадире оправдывает его применение.

Первым защитным кольцом конунга окружали скальды.

Именно скальды!

То есть поэты – не профессиональные воины.

Сага об Олафе Святом повествует об этом так: «Говорят, что, когда Олав конунг построил своё войско, он поставил вокруг себя людей, которые должны были защищать его щитами. Для этого он отобрал самых сильных и ловких. Потом он позвал к себе своих скальдов и велел им быть рядом с ним. – Вы должны, – говорит он, – стоять здесь и видеть всё, что происходит, собственными глазами, тогда вам не придётся полагаться на рассказы других, ведь потом вы должны будете рассказать об этой битве и сложить о ней песни».

Вот виса, исполненная в бою Тормодом Берсасоном – Скальдом Чёрные Брови:

*Знай, стрелец, пусть войско
Страх отринет! Силу
Копит крепкоструйный
Дождь, сюда все ближе.
Снарядившись к буре
Хильд, из уст не пустим
Подлых слов и в сече
Подле князя встанем.*

Крепкоструйный дождь – типичный кеннинг: создаётся образ бури – её пространство пронизано летящими стрелами.

Впечатляет смерть Тормода Берсасона. Раненый воин стоит у окна – женщина-лекарка просит его принести дров – тот выполняет её просьбу. Встревоченная видом Тормода, целительница просит его показать рану – она видит: в боку Тормода торчит стрела – у неё не хватает сил вытащить её. Скальд это делает сам, тут же падая замертво.

Эта сцена помогает нам понять, сколь огромна была мера мужества, прирождённого варягам.

Чудотворчество Олафа Святого началось при его жизни. Так, в Новгороде он спас от смерти мальчика, у которого в горле образовался нарыв. С Новгородом связано ещё одно чудо, уже посмертное: Олаф останавливает пожар, охвативший церковь.

Вернёмся в Стикклстадир.

Конунг гибнет в бою.

Мёртвый, он помогает живым.

Процитируем сагу: «Кровь конунга попала на кисть Торира, на то место, где у него была рана, и ему не понадобилось её перевязывать, так быстро она зажила. Торир сам рассказывал об этом чуде, когда святость Олава конунга стала явной для всех.

Торир был первым из знатных людей в войске врагов конунга, кто признал святость конунга».

Память Стикластадира священна для норвежцев. «Торд Фолессон» – так называется поэма Пера Сильве (1901), восславляющая знаменосца Олафа Святого. Перед гибелью герой воткнул древко в землю. Будто оно пустило прочнейшие корни! Враги не могли порушить знамя. Сегодня это место отмечено памятной стелой. На ней выбита строчка поэта, ставшая крылатым выражением: «Символ остаётся, даже если человек уже пал».

Таким символом стала и башня Святого Олафа в Выборге.

Поток паломников к раке *вечного короля* не иссякает. Он стал святым для всей христианской Ойкумены.

Выборг вносит свой вклад в эту вселенскость, по-своему восприняв и воплотив её в своей пусть неявной, но ныне всё чётче осознаваемой миссии – сближать разделённое, примирять враждующее.

II. СЕВЕРНЫЙ ДИПТИХ

ДУХ РЫЦАРСТВА В ВЫБОРГЕ (ПОСВЯЩЕНИЕ ТОРГИЛЬСУ КНУТССОНУ)

Башня Святого Олафа – норвежского воина, скальда, конунга – возведена шведскими рыцарями.

На историческом отдалении конфликты двух стран как бы теряют в масштабе. На первый план выходит их единство, осенённое понятием *Скандинавии* – в культурно-ценностном контексте, с высоты исторического времени, она недробима.

Варягами мы называем и норвежцев, и датчан, и шведов. Возможно, тут есть субординация – и пальму первенства следует отдать норвежцам. На эту тему можно дискутировать. Но мы предпочтём недифференцированный подход.

Пассионарность варягов имела огромное значение для Руси. Сегодня до хрипоты спорят, кем по национальности являлся Рюрик, но существенно наднациональное: с Запада на Русь пришли люди, воплощавшие дух европейской цивилизации – её наиболее продвинутые творцы, её лидеры.

Одиннадцатый век был пиком варяжской активности. Исторические условия изменились – и этот феномен стухевался. И вот что замечательно: на скандинавском материале мы можем проследить прямой переход *от викингов к рыцарям* – выявить наличие преемственности между ними.

Почему это волнует наше сознание?

Волей судеб в пределах России оказался город,

оваянный рыцарской славой, – и это в каком-то смысле восполнение, пусть условное и символическое, существеннейшего дефицита нашей истории.

У нас не было своего рыцарства.

Конечно же, это отразилось в русском менталитете, о чём трудно говорить без ценностных коннотаций. Хотя они неизбежно будут субъективными.

Рыцарская закуска в нашем национальном развитии отсутствует.

Досадный пробел?

Обидное упущение этноса?

На данную тему следует рассуждать сугубо гипотетически.

Богатыри – это прекрасно.

Но рыцарство имело иную природу – прямая аналогия здесь не проходит.

Богатырей мы видим на *заставе* – они твёрдо стоят на страже Руси.

Тогда как рыцарей нам привычнее заставить в *крестовом походе*.

Сходство есть – антураж, мужество. Но оно всё же поверхностно.

Наличествуют разные задачи и функции!

Разные идеалы!

Ошеломителен образ новгородского богатыря Василия Буслаева. Отпетый богохульник, он направляется в Иерусалим – хочет замолить грехи. Но на подлинное покаяние его не хватило – и на Святой земле он продолжает бесчинствовать. Ему бы не поздоровилось – встретить он там рыцарей.

Два эти явления не пересеклись.

Не было конвергенции!

Рыцарство действительно формировало характер своих этносов – тогда как богатырство быстро ушло в былинное предание.

Пресловутая русская мягкость! Ну почему мы покорно терпим подлость чиновников, жестокость чекистов, продажность судей?

Почему на нашей почве так пышно процвело взяточничество?

С идеей чести дела у нас обстоят из рук вон плохо.

Запросто идём против совести. И против Бога – её источника.

С трудом наработанный в веках запас благородства – увы, весьма скромный – начисто смыт пертурбациями XX века.

Погибло лучшее.

Да, был Русский Север, не знавший холопства, – гордый, свободолюбивый.

Были отважные декабристы.

Была жертвенная интеллигенция.

Но преобладало другое: рабье, пресмыкательское.

Н. А. Бердяев писал в «Философии неравен-

ства»: «В рыцарстве выковывалась личность, создавался закал характера. Чувство чести у современного человека, в современном буржуазном мире идёт от преданий рыцарства. Рыцарство вырабатывало высший тип человека».

И ещё одна животрепещущая мысль Н.А. Бердяева – из монографии «Алексей Хомяков»: «Рыцарство вознесло личность и её честь, личность поставило выше общины. В этом видел Хомяков измену церковной соборности, отсутствие смирения. Думаю, что Хомяков не понимал рыцарства, не чувствовал его миссии».

Философ критикует славянофилов за их убеждение в том, что рыцарская идея как таковая чужеродна для России. Они усматривали в ней опасность индивидуализма и выдвигали в качестве альтернативы общинное начало.

Это одно из сечений дилеммы «Запад – Восток». Как бы аналог весов: Запад кладёт на свою чашу солиста, а Восток – целый сводный хор.

Солист перетягивает!

Именно Запад открыл и утвердил ценностное доминирование личности над всеми другими приоритетами в мире. Это помогло ему на целый исторический эон опередить в своём развитии Восток.

Запад культивировал взвешенный эгоцентризм, вовсе не исключая солидарности – Россия питала коллективистский дух, обернувшийся полнотой отчуждения.

Принципиальное различие!

Не здесь ли одна из причин того, что человек у нас доселе умалывается? Ему мешают расти *отдельно*. Без ярких личностей нет эволюции.

А если бы...

А если бы наша страна прошла через школу рыцарства?

Сослагательное наклонение помогает моделировать историю. В этом возможна польза для будущего.

Выборг напоминает нам об упущенных возможностях. И мобилизует на поиск новых шансов.

Мы просто обязаны скомпенсировать недополученное от истории.

И Выборг здесь – как напоминание. Как призыв к действию! Он обнадеживает и вдохновляет.

Поклонимся Олафу Святому – и в его лице всем викингам.

Отдадим должное Торгильсу Кнутссону – и уважим незримо стоящих за ним всех рыцарей Европы.

Повторимся – но с уточнением ракурса: башню в честь викинга Олафа Харальдссона воздвиг *рыцарь* Торгильс Кнутссон.

Это как эстафета!

Задумавшись о ней, взглянем одновременно на

башню Святого Олафа и памятник Торгильсу Кнутссону – и вспомним ключевой для нашей темы факт: передача пассионарного импульса от викингов к рыцарям – во всей своей физической конкретности – осуществилась в Норвежском крестовом походе (1107 – 1110 гг.). Как он смахивал на рейды викингов! Накопленный пращурами опыт был направлен на достижение абсолютно чуждых им целей.

Возглавляемые норвежским королём Сигурдом I, норвежские крестоносцы – числом около 5000 человек – направились в путь на 60 кораблях осенью 1107 г.

Трижды – у берегов Пиренейского полуострова, в Гибралтарском проливе и на Болеарских островах – норвежцы сталкивались с пиратскими флотами. Они орудовали под флагом ислама. В одном из сражений Сигурд I захватил 8 кораблей.

Был нанесён мощный удар по очагам работогов.

Язычников понуждали принимать крещение. Не надо идеализации: порой на этой стезе проливалась кровь – несогласных казнили.

Иерусалим был достигнут летом 1110 г. Рыцарей радушно принял король Болдуин I. Они получили бесценный дар – щепу от Голгофского креста. Условие было такое: возложить реликвию на могилу Святого Олафа.

Что мы знаем о генезисе рыцарства? Вероятно, начало ему положили в VIII веке франки – тогда они пересадили своих пеших воинов на коней.

Это была настоящая революция в военном деле.

Однако радикальные преобразования затронули и духовную сферу. Идеал героизма и мужества, не теряя своей привлекательности, вступил в гармоническое взаимодействие с императивами милосердия, великодушия, самопожертвования. Брутальность высветилась изнутри. И предстала как мощь духа, освящённая величайшим благородством.

Бернард Клервоский скажет в «Похвале новому рыцарству»: «Вот это поистине рыцарь без страха, защищённый со всех сторон, потому что душа его защищена бронёй веры, тогда как тело защищено бронёй из стали. Так он вооружён вдвойне».

Симбиоз силы и тонкости: это главное в рыцарстве. Изумительное явление складывалось под перекрёстным влиянием двух факторов – ранее они были разобщены:

- 1) это любовь к Богу
- 2) и это любовь к женщине.

Неявно и здесь проступает определённый рецидив двоеверия. Как-никак, а Эрос был в числе самых гонимых языческих богов – и вдруг он получает полную реабилитацию. Более того: его возвышают,

подняв едва ли не вплотную к уровню Святой Троицы – сближают с Нею и поверяют Ею.

Вызовем в памяти образ процитированного нами Святого Бернарда Клервоского.

Это он благословил тамплиеров. И это им – вместе с аббатом Сюзером – вдохновлена готика.

В дантовской «Божественной комедии» через любовь к земной женщине впервые – и это грандиозно! – осуществляется *теозис*: поэт вступает в средоточие Святой Троицы – и воссоединяется с Нею. Становится Богом! Это ли не апофеоз?

Вспомним: на последнем этапе восхождения Беатриче препоручает поэта Бернарду Клервоскому – конечная цель достигается благодаря и его содействию.

Беатриче – любовь.

Бернард Клервоский – вера.

В «Божественной комедии» персонализируются два ведущих начала рыцарства.

В Выборге полезно задуматься о Флоренции. Прямой связи нет. Но аура средневековья, подсвеченная рыцарскими орденами, здесь несомненно общая.

Святой Олаф считается покровителем скульпторов.

В Выборге смогли реализовать свой талант многие ваятели.

Башня Святого Олафа как бы парит над памятником Торгильсу Кнутссону.

У монумента сложная история.

Инициатива увековечить память основателя города была выдвинута в 1884 г. Большую роль тут сыграл архитектор и писатель Якоб Аренберг. Он безвозмездно разработал план реконструкции главной площади города – детально продумал, как наилучшим образом вписать будущий памятник в пространство Выборга.

С целью сбора средств был проведён литературный вечер.

Объявили подписку.

Скульптор Вилле Вальгрэн приступил к работе.

Увы, это был период, когда тенденция к русификации Финляндии стала обозначаться всё чётче – и потому идея сразу встретила сопротивление: зачем ставить памятник шведу? Наиболее рьяные фенноманы были солидарны в этом остракизме с воинствующими русофилами.

Первая модель В. Вальгрэна не дождалась отливки.

Глина рассохлась – работа пошла прахом.

Однако в 1888 г. В. Вальгрэн выполнил новую модель. Посвящение не афишировалось – скульптуру назвали уклончиво: «Рыцарь». Она экспонировалась в Выборгском замке.

И лишь в 1907 г. В. Вальгрэн отлил статую в металле. А в 1908 г. она была установлена.

Почти четверть века длились мытарства памятника. К ним надо добавить опалу, наложенную на него в советские времена, – на своё искомное место статуя вернулась лишь с падением коммунизма.

Во всех подобных коллизиях проявляется родовая противоречивость Выборга.

Сложный город!

На протяжении столетий в нём постоянно сталкивались разные интересы – он был желаемым кушем – за него проливали кровь.

Незавидная доля?

Это как посмотреть: в напряжениях исторической судьбы был свой позитив – свой выигрыш.

Город фокусировал в себе многоаспектность

Ойкумены – втягивал, концентрировал опыт, идущий буквально со всех сторон света. Как в некой чаше, в нём оседала информация, притекавшая с Севера из Финляндии и Норвегии, с Запада из Дании и Англии, с Юга из Балтии и Германии, с Востока из России и Азии.

Уникальное место выбрал для закладки новой крепости Торгильс Кнутссон. Его выделенность кажется заданной провиденциально.

Здесь – и нигде больше!

Памятник Торгильсу Кнутссону

Вот оптимальная точка для того, чтобы обеспечить экспансию Запада на Восток – раздвинуть границы европейской цивилизации.

Этот замысел пресекся.

Иссяк порыв?

Сошла на нет пассионарность?

Восток прочно держал оборону. А потом перешёл в контрнаступление – охватил Выборг своей орбитой.

Это стало трагедией для выборжцев. А для России не только давно чаемым территориальным приобретением, но ещё – если посмотреть глубже – и своего рода западной прививкой, которая, несмотря на бурное отторжение, исподволь может привести к оздоровлению её хворого, источенного коррупцией и ослабленного неумелым управлением организма.

Это звучит утопически?

Но мы не знаем, что такое *Genius loci* – гений места. И как он влияет на ход истории.

Присоединение к России западных областей всегда было инъекцией в её полуазиатский менталитет бодрящих и тонизирующих влияний.

Многое из имперских обретений утеряно нами.

Удерживаем – фрагментарное: горстку земель, хранящих память своей бывшей принадлежности Германии, Швеции, Суоми – лучшего для них времени. Осколки эти обладают голографическими свойствами.

Почти мистика!

На основе останков целостно воссоздаётся атмосфера ушедшего.

Здесь можно напитаться духом другой цивилизации – приблизиться к её потаённым смыслам, к её экзистенции.

Следует всерьёз задуматься о просветительском значении этих топосов.

Выборг сегодня – для поклонников европейской культуры – как своеобразная амбассада: достойное представительство Запада – самой его идеи. Она здесь получила адекватное – или скажем так: *репрезентативное* – воплощение. Рыцарство в её формирование внесло решающий вклад.

Разорённый и униженный, изуродованный бездарным новоделом, Выборг неисповедимо сохраняет некое креативное поле, которое мы связываем с Европой в её обобщённом и идеализированном понимании.

Нас опять отдаляют от Европы.

Поэтому мы цепляемся за Выборг! Он как точка опоры. Ищем в нём оплот – просим о поддержке.

Вот внутреннее убеждение – пусть недоказуемое, иррациональное: Выборг продолжает работать на прогресс России, трактуемый в петровском и столыпинском духе.

Нам с детства внушают: Запад – очаг вредительства. Он ведёт против нас подрывную работу. Что ж! Хочется пожелать ему успеха в осуществлении этой весьма позитивной функции.

Ведь что подрывает Запад в структурах Востока?

Авторитарные режимы – неэффективную экономику – презрение к правам человека.

От такого подрыва – великая польза. Это никакая не агрессия – это цивилизаторская деятельность.

Так суперпозиция смотрится в наше время. На прошлое мы её не экстраполируем.

Что искал маршал Торгильс Кнутссон на Востоке?

Формально это был Третий крестовый поход свеев на карельские земли.

Предыдущий остановил Александр Невский.

Обратить язычников в христианскую веру: конечно же, эта программа искренне исповедовалась крестоносцами – одухотворяла и вдохновляла их. Но вряд ли можно усомниться в том, что она являлась неким идеологическим эпифеноменом – своего рода красивой маской, декоративным прикрытием. А сущностная подоснова – не всегда осознаваемая и проговариваемая – была такая: расширить жизненное пространство.

Всё очень просто.

И организмы, и популяции *растут*. Это важнейшее свойство живого: *растучесть*. Социальные организмы тут никак не могут быть исключением.

Сложное территориальное поведение мы наблюдаем не только у животных, но даже и у растений – фитосоциология доказала это. Здесь действует универсальный принцип: захват – закрепление – оборона; а потом очередные попытки раздвижения границ.

В этих устремлениях заключена потенциальная бесконечность. Когда бы не конкуренция! Ведь соседи тоже хотят безостановочно расширять свои ареалы.

Интересы сталкиваются.

Отсюда и схватки животных, и войны людей.

Качественного различия тут нет.

Аналогия прямая: турнир куликов – и турнир рыцарей.

Поведенческие алгоритмы универсальны.

Природное – первично.

Задача культуры – хоть как-то облагородить неудалимо заложенное в гены, поставить над инстинктом – по мере возможности – нормы зрелого разума.

В.И. Вернадский говорил: *живое вещество течёт*. Хотите поставить плотины? Сегодня их размывание мы видим повсюду.

Как быстро росла Швеция!

Тургильса Кнутссона можно назвать выдающимся расширителем её пространства.

Живое свейское вещество дотекло до Полтавы.

И только в 1709 г. было Петром I отброшено назад!

Первое упоминание о Торгильсе Кнутссоне мы встречаем в источниках от 1283 г.

После смерти короля Магнуса Ладулоса маршал правил Швецией от имени его малолетнего наследника Биргера Магнуссона.

Регентом Торгильс Кнутссон оставался до 1303 г. Узурпатором его никак нельзя назвать – он спокойно передал власть подростку Биргеру. Что за размовка случилась между ними в 1305 г.?

Попавший в опалу маршал был казнён через отсечение головы и похоронен на неосвящённой церковью земле.

Жестокие были времена! Люди уже знали, что Бог есть Любовь – но знали рассудочно, абстрактно. Большие ли подвижки произошли с тех пор?

Маршала очень скоро перезахоронили. Для него нашлось почётное место в Риддархольмской церкви. На надгробной плите – образ Святой Биргиты.

Торгильс Кнутссон основал Выборг в 1293 г.

Советский историк И. П. Шаскольский приводит аргументы против того, что маршал самолично участвовал в закладке крепости – по его мнению, он не покидал Швецию.

Учёный прав?

Или им подспудно двигало желание разрушить устоявшееся, обретшее ореол легендарности представление? Восток всегда играл против Запада и в большом, и в малом – и в конкретных делах, и в мифотворческом измерении.

Так или иначе, но имеются неопровержимые доказательства того, что Торгильс Кнутссон участвовал в другой шведской акции – руководил в 1300 г. возведением Ландскроны.

Выборг: он перекрыл русским путь в Балтику, связанный с рекой Вуокса.

Ландскрона: такой же перехват она была призвана сделать на Неве – от новгородцев пытались отрезать ещё один выход в море, это была целая эпопея.

Из Стокгольма в направлении Ладоги вышла настоящая флотилия. Иногда говорят о полусотне кораблей.

Для строительства Ландскроны – по-шведски это значит *венец земли* – была выбрана стрелка Невы и Охты. Удачнейшее место! Предельная близость к морю – недоступность для наводнения – природное укрытие с трёх сторон: всё говорит о том, что стратегическое мышление маршала было на высоте.

Окрест отсутствовали и обнажения коренных пород, и валунные россыпи.

Крепость построили из дерева.

Строительством руководил опытный фортификатор из Италии. Над крепостными стенами возвыша-

лось восемь башен. Внутри находилась башня-донжон. Квадратная в плане 5х5 метров, она была срублена в лапу из брёвен, имевших диаметр в 30 см. Её заглубили в грунт на два метра ниже уровня Невы. Учитывая возвышение ландшафта, это была очень большая глубина. Благодаря ей при осаде крепость была бы обеспечена водой.

Ландскрона в два раза превышала по размеру Выборгскую крепость.

Это было подлинное чудо инженерного искусства – но просуществовало оно недолго: 18 мая 1301 г. войско великого князя Андрея Александровича сравняло Ландскрону с землёй. Правда, спустя триста с небольшим лет Ландскрона как бы регенерировала – в 1611 г. на её месте шведы построили крепость Ниеншанц. Именно здесь хотели возвести печально известный Охта-центр. Сомнительный замысел имел положительную сторону: были проведены археологические раскопки – они помогли чётко и ясно представить облик Ландскроны.

Швеция давно отказалась от своих геополитических притязаний. Сейчас это небольшая, но достойная и уважаемая страна. Она даёт поучительный пример того, как отказ от имперского размаха возмещается процветанием внутри уважившихся границ – и попутно ставит наблюдателя перед дилеммой: что лучше – распыление энергии в неохватном пространстве или концентрация её на заботе о человеке?

Когда-то мы насмерть бились со шведскими рыцарями.

Взаимные обиды избыты и забыты.

Пусть в условно-игровом варианте, но Выборг сегодня возрождает рыцарство – напоминает нам о его позитивной стороне. Трудно переоценить и эстетическое, и педагогическое значение этой миссии. О рыцарстве можно сказать так: оно сыграло роль фермента в духовной эволюции Европы – работало на быстрое и устойчивое облагораживание человека.

Наследуются ли приобретённые признаки?

На уровне культуры такое наследование возможно!

Привитое воспитанием исподволь передавалось от поколения к поколению уже помимо социума – как врождённая программа. Об этом свидетельствуют блестящие генеалогии Европы. Жертвенность – и добродетельность; культ чести – и элегантность в обращении; изысканность и поэтичность – на фоне мужества: рыцарство содействовало тому, чтобы эти качества внедрились в гены – стали наследственными.

Шёл отбор на всё самое высокое, красивое.

Результаты получились блестящие.

Девиз рыцаря воодушевляет: «Сражаться и любить».

Это совместимо?

Да!

Ещё нескоро датчанин Нильс Бор, потомок викингов, сформулирует принцип дополнительности. Но имплицитно он уже содержится в парадоксальной установке средневекового рыцарства с её броской, искромётной, где-то эпатажной диалектичностью.

Это диалектика личности – ценностная диалектика. Всей своей сутью она направлена против односторонности в человеке. Суровый воин – и любящий кавалер: эти грани едины в рыцаре – душа у него широкая, многомерная.

Рыцарский турнир!

Культ Прекрасной Дамы!

Это навсегда – это навечно – это неувыдаемо.

Выборг – как своего рода *авацилтио*: припоминание – яркое, зрелищное – утраченной красоты.

Остановимся на некоторых особо актуальных моментах рыцарского кодекса.

Рыцарь – *щедр*.

Скопидомство не для него.

А пушкинский скупец? Это всё же гротескное исключение из правила.

Рыцарь – *умерен*.

Он не будет роскошествовать – ему чужда внешняя помпезность. Богатство он умеет соединить со скромностью.

Рыцарь – *волен*.

Он не терпит принуждения, давления. Только воздух свободы пригоден для его лёгких. Вассалитет этому не был помехой – служение не стесняло движений души.

Рыцарь – *честен*.

Возможность обмана исключена для него. Прямота характера – открытость взгляда – презрение к лицемерию: эти черты определяют облик рыцаря. В них получает своё внешнее выражение его этическое кредо.

Рыцарь – *куртуазен*.

Утончённая манера общения; галантность и обходительность; отшлифованность жестов и поз: это всё параметры поведения, которое в глазах рыцаря являлось видом искусства.

Несчастный Павел III!

Он словно спохватился – и возжелал наверстать упущенное Россией. Когда бы Мальтийский орден смог укорениться в её почве!

Лакуну нашей истории – отсутствие в ней рыцарства – пытаются восполнить поэты.

В трагедии В. А. Озерова «Димитрий Донской» (1807), где действие разворачивается на фоне Куликовской битвы, два князя – московский и тверской –

сталкиваются в своём чувстве к новгородской княжне Ксении. Эта абсолютно вымышленная интрига окрашена в рыцарские тона. Любовное гармонирует с героическим. Когда бы задним числом этот мотив был реально вписан в прошлое нашей культуры!

В 1910 г. Александр Блок выступает со статьёй «Рыцарь-монах», посвящённой Владимиру Соловьёву. Поэт пишет о единстве трёх задач: «для рыцаря – бороться с драконом, для монаха – с хаосом, для философа – с безумием и изменчивостью жизни». Опираясь на философию рыцарства, он формулирует то, что можно назвать русской идеей в её софиологическом варианте: «Это – одно земное дело: дело освобождения пленной Царевны, Мировой Души».

Сбудется ли благородное чайное?

Вернёмся к памятнику Торгильтсу Кнутссону.

Талантливая работа!

Желающим расширить своё знакомство с творчеством Вилле Вальгрена рекомендуем посетить Хельсинки. На одной из площадей вы увидите финскую Венеру – статую *Хавис Аманда* (1908). Лиричную ню очень своеобразно вошло в городскую жизнь: некогда молодёжный праздник *Валпу* был отмечен традицией надевать на голову Аманды студенческую фуражку. А в 1995 г. возник обычай облекать девушку в блузу финской сборной по хоккею – память тогдашнего триумфа не тускнеет до сих пор.

Посетители крепости Олавинлинна не преминут сфотографироваться с огромной двухметровой статуей Святого Олафа. Существует поверье: раз в год Олаф оживает – и обходит свои владения.

Автор статуи – Вилле Вальгрэн (1912).

Сейчас мы выстраиваем в пространстве треугольник, вершины которого увенчаны работами имени того мастера.

По сути это неделимое пространство. В измерениях культуры таковым оно остаётся и сейчас – несмотря на все физические расколы, межевания, перекройки.

Границы – прейдут.

Сегодня порубежья кажутся непреложными. Но судьба Выборга напоминает нам о всей их условности и относительности.

ДУХ РЕФОРМАЦИИ В ВЫБОРГЕ (ПОСВЯЩЕНИЕ МИКАЭЛЮ АГРИКОЛЕ)

31 октября 1517 г. Мартин Лютер прибил к двери Замковой церкви в Виттенберге большой лист со знаменитыми 95 тезисами. Немецкий монах-августинец бросил вызов Папскому престолу. Каждый тезис – как удар сплеча:

резко и решительно обрубились исконные канонические связи.

Началась Реформация.

Вновь прибегнем пусть к условному, но подчас весьма эвристичному сослагательному наклонению.

Какой была бы Финляндия без Реформации?

Гипотетично само её существование в привычном для нас виде!

Лютеранство пришлось как нельзя впору финской душе. Есть ли лучший пример *предустановленной гармонии*? Внутренний строй Суоми – её независимый характер, её ценностные предпочтения – во многом predeterminedены Реформацией.

Свидетелями виттенбергского бунта становятся шведские студенты – братья Олаф и Ларс Петри.

Два выборжца, которым суждено внести решающий вклад в дело Реформации на финских землях, тогда ещё совсем дети: Микаэлю Агриколе 7 лет, Паавали Юстену 1 год.

Первый получит степень магистра в Виттенберге в 1539 г.; второй пройдёт обучение там же в период с 1543 по 1546 г.

Микаэль Агрикола попадёт в десяток особо приближенных к Мартину Лютеру студентов, которых тот будет принимать на дому, доверительно разглаживая о самых глубоких проблемах веры.

Паавали Юстен примет участие в похоронах Мартина Лютера 22 февраля 1546 г.

Непосредственной причиной для выступления Мартина Лютера стала булла Папы Льва X от 18 октября 1517 г. о продаже индульгенций в пользу строительства храма Святого Петра в Риме.

Сама идея давняя. Её автор – Гуго Сен-Шерский (1200 – 1263): он пришёл к той оригинальной мысли, что на небесах имеются достаточные запасы благодати, накопленные Спасителем и святыми, – избыточное можно уже сейчас, в земных условиях, использовать для спасения заблудших душ.

Институт индульгенции освятил в 1343 г. Папа Климент X.

Что возмутило в этом институте Мартина Лютера? Его превращение в откровенный бизнес!

Майнцский архиепископ Иоганн Тецель без всякого зазрения совести установил своеобразную таксу: 7 золотых – за простое убийство, 10 золотых – за убийство родителя и т.д.

Где гарантия, что небеса дали согласие на подобные сделки? Однако авторитет папства камуфлировал аморальную суть индульгенций. Надо было обладать абсолютным нравственным чувством, чтобы развеять флёр – и показать: совершается нечто богопротивное.

Вот как звучит 28-й виттенбергский тезис: «Воистину, звон золота в ящике способен увеличить лишь прибыль и корыстолюбие, церковное же заступничество – единственно в Божьем произволении».

Размежевание с Папским престолом обосновано с опорой на этику. Она – именно она – доминирует в мотивах Реформации.

В 1511 г. Мартину Лютеру привелось побывать в Риме. Его ужаснула развращённость клира. Душу молодого монаха охватила кризис. Попытка его разрешения получила крайне интересную в плане психологии форму. Мартин Лютер стал говорить о том, что ему хочется *родиться вновь* – и при этом смыть печать мира сего. Собственно, и мир должен быть вовлечён в процесс перерождения – очищенный и преображённый, он восстановит ныне нарушенные связи с Богом.

Как это похоже на *майевтику* Сократа!

Так у греков называлось повивальное искусство, метафорически переосмысленное Сократом: прозрев под влиянием философии, человек рождается заново – теперь тупики и лабиринты не грозят ему.

Реформация – это *майевтика* Европы: роды были сложными – зато плод сразу обнаружил множество прогрессивных в эволюционном отношении признаков.

На феномен Реформации хочется посмотреть сквозь призму ещё одной аналогии.

Неотения – важнейший механизм эволюции: это своеобразное возвращение в детство – возможность снова испить из незамутнённого источника.

Сбросим устаревший опыт!

Преодолеем постылую взрослость!

Освободимся от бремени специализации!

Много нелепого, ненужного. К чему эти явно паразитирующие структуры? Они потеряли всякий смысл – давно утратили адаптивность – или даже стали вредоносными.

При этом раскрепощающем обновлении всё хорошее из старого удерживается в генотипе.

Реформация вполне может быть истолкована как социальная *неотения*. Культура возвращается к чистоте раннего христианства, отказываясь от громоздких надстроек, обслуживающих исключительно интересы Церкви.

Вера выше Церкви!

Sola fide – только верой!

И нужен ли человеку посредник – эту функцию берёт на себя священник – в его отношениях с Богом? Каждый может и должен выходить на прямую связь с Ним! У пахаря или домохозяйки здесь не меньше возможностей, чем у епископа, – вера не знает никаких иерархий.

Сохранить *главное* – отбросить *лишнее*.

Это ли не целесообразно?

Реформацию можно сравнить ещё и с гигантской бритвой Оккама, которая безжалостно отсекала всё избыточное, буафорское, пустопорожнее. *Принцип экономии мышления* – мы знаем его по формулировке Э. Маха – хорошо гармонирует с протестантизмом. Как если бы имплицитно содержался в нём!

Усложнения вторичны.

Надо вернуться к базисному, исходному.

Эта глубинно созревшая – и потому неотменимая – потребность получает у лютеран визуальное выражение. Простое – строгое – сдержанное: вот что импонирует их вкусу. Кто-то усматривает здесь чопорность. Но сие субъективно. Скупое пространство кирпичи иногда кажется лучше резонирующим на присутствие Бога по сравнению с пышным интерьером костёла.

Собранность – чувство меры – некоторый ригоризм: эти эстетически значимые качества, предопределяя облик протестантизма, находят адекватное проявление и в сфере нравственности.

Внешнее соответствует внутреннему.

Лютеранин ясно и чётко ведёт дело – плутовство противно его душе. Библейские заповеди получают шанс из безответственных деклараций превратиться в реальные поведенческие регулятивы.

Категория *порядочности* обретает в протестантском мире особую весомость. Теперь это воистину фундаментальная категория! Оценочное в ней неотрывно от онтологического.

Поведенческое едино с бытийным.

Не потому ли устои лютеранства обладают завидной прочностью?

Торговать индульгенциями *непорядочно*.

Это – *нехорошо*.

Это – *грех*.

Сейчас мы выходим на ключевые для понимания финского менталитета сущности.

Финская *честность* стала воистину легендарной.

Ампутация руки за воровство: это наказание широко практиковалось в Средние века. Иван Грозный узаконил его на Руси. Жестокая расправа! Она давно ушла в предание – но вот что удивительно: даже в XX веке бытовало представление, что Финляндия не отказалась от этой формы кары.

В «Русском богатстве» под инициалами Э.З. в № 4 за 1901 г. был опубликован травелог «По Финляндии. Путевые очерки и заметки» – приведём фрагмент из него: «*Ужас финнов перед воровством, выразившийся законом об отсечении рук за него, так велик, что для искоренения этого зла*

они не могут остановиться перед таким пустяком, как порка».

А это цитата из Михаила Зощенко: «*Вот, говорят, в Финляндии в прежнее время ворах руки отрезали. Проворует, скажем, какой-нибудь ихний финский товарищ, сейчас ему чик, и ходи, сукин сын, без руки*». Сколь долгой оказалась память о крутом правосудии! Это тоже показательно.

Генетически обусловленное получило у финнов закрепление и усиление от Реформации.

Врождённое и приобретённое!

Финляндия даёт впечатляющий пример их счастливого совпадения. Это от наследственности – это от катехизиса: одно точь-в-точь соответствует другому.

Суоми кажется преадаптированной ещё и к тому, что сегодня принято называть *протестантской этикой* – с подачи Макса Вебера это ёмкое понятие зафиксировало связь между Реформацией и капитализмом.

Нам, совкам, вдалбливали едва ли не с детства: капитализм – это предосудительное стремление к наживе.

Но наживаться можно по-разному: грабить – брать взятки – завлекать людей в лохотрон.

Низкое, мерзкое!

Наоборот: прибыль здорового капитализма – в соответствии с веберовским пониманием дела – креативна. Её получают и умножают благодаря рациональной организации производства, где неуклонное повышение рентабельности выступает как стимул и цель.

Финляндия успешно запустила этот механизм. Реформация дала ей толчок по всем направлениям. Возьмём, к примеру, банковское дело. Давать деньги под процент? Это греховно! Вспомним героя новгородской повести Щила: гроб с его телом провалился в тартарары только потому, что он построил церковь на грязные деньги – брал 0, 5 % годовых (всего-то!) с предоставляемых людям ссуд.

Протестантская этика – наперекор традиционалистским установкам – благословила бы Щила. Никаких проблем! Это нравственно: повышать уровень жизни – помогать людям уверенно стоять на ноги – раскручивать начальную копейку до масштабов крупного капитала.

Взятый кредит я вложил в хорошее дело.

И получил прибыль!

Проценты на её фоне мне кажутся сущей малостью.

Выиграли и я, и социум, и ростовщик (уже не персона, а солидный банк).

Маленький Сердоболь!

Лучшие его здания – банки, построенные выдающимися зодчими. Назовём их:

- *Национальный Акционерный Банк* (Э. Сааринен, 1905 г.).
- *Объединённый Банк Северных стран* (У. Ульберг, 1913).
- *Финский Банк* (У. Ульберг, 1915).

Сколь значимо это перечисление! Оно свидетельствует об экономическом здоровье Суоми.

Спасибо Реформации!

А конкретно, лично – Микаэлю Агриколе. Сегодня он почитается как отец нации.

Будущему реформатору было десять лет, когда из родной деревни Торсбю его направили в Выборг – мальчик обнаружил выдающуюся способность к языкам. Выборгская школа отличалась хорошим уровнем. Именно там Микаэль Олавинпойка стал Микаэлем Агриколой. Выбор новой латинской фамилии говорит сам за себя – очевидны как чуткость к европейским обычаям, так и память своего родословия. Ведь Агрикола означает *земледелец*. Характерна крестьянская коннотация! Один из столпов Виттенберга, учивший Микаэля, – Филипп Меланхтон – перевёл на латынь свою немецкую фамилию *Шварцэрд*: значение – *чернозём*.

Наш краткий ономастикон указывает на обращённость Реформации к земле, почве.

Хотя Финляндия была тогда частью Швеции, но Реформация шла к ним по разным путям – и с разными скоростями.

Олаф Петри вернулся домой в 1518 г. Вот он заикнулся о Лютере – и в него полетели камни, палки. Проповедь нового не сразу достигла цели. Решающую роль в переломе сыграл фактор, никак не свя-

занный с идейной стороной дела: разрыв короля Густава Вазы с Римским Папой, случившийся в 1524 г. В Рим не должны уходить шведские деньги. Прижимистый властитель грёб под себя. В Церкви – вначале католической, а потом лютеранской – он видел досадного конкурента. Его поворот в сторону Мартина Лютера не имел глубинных экзистенциальных мотиваций.

Близкий к остзейским землям, Выборг отличался от Стокгольма тем, что в нём превалировала духовная составляющая. Рига – Ревель – Нар-

ва: Реформация быстро охватила эти города – свежие веянья дошли и до Выборга.

Здесь уже охотно читали Эразма Роттердамского.

Гуманизм предуготовлял реформацию.

С 1525 г. Выборгом правил граф Юхан, немецкий кондотьер. За заслуги он получил руку сестры короля Маргарет. На сторону Реформации граф встал независимо от интриг своего покровителя. Он это сделал по убеждениям. Юный Микаэль Агрикола слушал в крепостной часовне полноценные лютеранские службы. Это стало для него своего рода импринтингом – сила первых впечатлений повернула юношу в сторону Реформации.

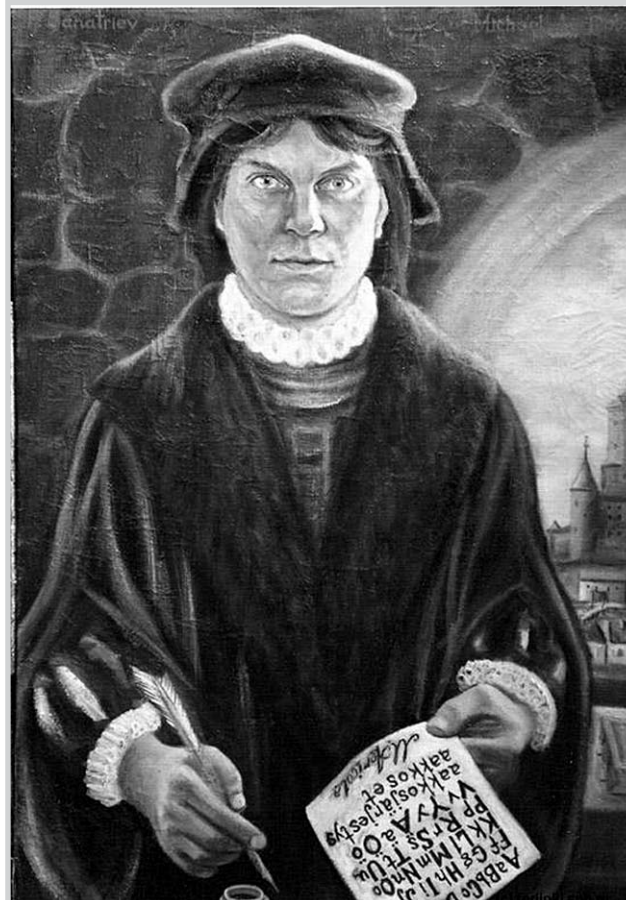
А что делалось в Турку?

Там и слышать не хотели про Виттенберг – финнам запрещалось ездить туда.

При Юхане Выборг процветал материально и духовно. Но граф поссорился с королём. Имели место острые столкновения. Всё кончилось бегством Юхана.

Выборг стал хиреть.

Однако Турку уже созрел для восприятия но-

Микаэль Агрикола

визны! Микаэль Агрикола и Паавила Юстен там достигнут пика своей карьеры. Но не забудут, что выпестовал их – подготовил к служению на трудной миссионерской стезе – Выборг.

Микаэль Агрикола являет в своей личности ренессансный универсализм. Его «Молитвенник» («Rucouskiria») – гигантский труд: в нём 877 страниц. Содержание простирается куда как шире названия. По сути это ещё и заявка на энциклопедию! Молящийся ощущает себя вписанным в круг Зодиака. Земное соотносено со звёздным. Это астрология? Но в ней отчётливо звучат ноты антропокосмизма. Человеку во всех реалиях его быта – будь то земледелие, врачевание, обучение – задаётся широкий вселенский контекст. За краткими ремарками Микаэла Агриколы стоит всесторонняя эрудиция.

Для перевода библейских текстов Микаэль Агрикола использовал опыт своих иноязычных коллег. Под его рукой были Библии на разных языках. Вероятно и обращение к древнееврейскому оригиналу. Всматриваясь и вслушиваясь в другие языки, Микаэль Агрикола стремился глубже понять родную речь. Его переводческая деятельность оказала определяющее влияние на формирование финского языка. Это было подобно огранке и шлифовке аморфной массы.

По сути Микаэль Агрикола был первым финским диалектологом. Он чётко осознал цель: многодиалектное надо превратить в единое. Это требовало не только научной точности в критериях отбора, но и поэтической чуткости. Работа над совершенствованием языка несёт в себе художественский момент.

Микаэль Агрикола был поэтом. Вспомним его стихи, славящие родную речь:

*Kylläse kuulee suomen kielen,
joka ymmärtää kaikkein mielen.*

Предлагаем наш перевод:

*Финский на небе услышат язык –
Всепониманьем Создатель велик.*

В многоязычном хоре финский отличается особой музыкальностью. Скажем так: это самый певучий язык на планете. Вот слово *hääyöaie* (смысл такой – прямой кальки не подобрать: *намерение брачной ночи*) – на один согласный здесь приходится семь гласных!

Очарованный этим ангельским благозвучием, Дж.Толкиен предложил своим эльфам – героям

«Властелина колец» – говорить на финском языке.

Реформатор Микаэль Агрикола был лишён той резкости и радикальности, которую мы видим в пионерах движения. Так, в 1554 году он отслужил епископскую мессу с митрой на голове – король Густав Ваза усмотрел в этом рецидив католицизма.

Но Микаэль Агрикола всего лишь отдал дань началу преемственности!

Нельзя вытравлять память – кое-чем мы обязаны Риму.

Так и двоеверие: для реформатора оно не было абсолютным жупелом – новое следует утверждать с терпением, понимая неизбежность переходной фазы.

Определённую гибкость – и скажем прямо: интерес – Микаэль Агрикола проявлял к финскому язычеству. То, с чем полемизируешь, надо знать. И вот в приложении к «Псалтири» мы видим первое исследование народной мифологии: перечисляются исконные божества карелов и жителей Хямя.

Прочитируем строки, где упоминаются божества Тапио и Ахти – оригинал и наш перевод:

*Tapio, Metzast pyydyxet soi, Тапио лес наполняет зверьми,
ia Ahti, widest Caloia toi. С Ахти уловы обильны вельми.*

Микаэль Агрикола здесь калькирует шведскую и немецкую поэтику – связь с народным стихом отсутствует. Но вскоре она всё же проявится!

Осуждая суеверие, Микаэль Агрикола изучает его – и этим заявляет себя как представитель гуманизма, для которого характерно внимание к поверьям и обрядам простого народа.

Вспомним, что финское возрождение XIX века – прежде всего *карелианизм* как его ярчайшее проявление – сопровождается небывалым влечением к финно-угорской мифологии. Северный модерн запечатлел её архетипы. Микаэль Агрикола здесь как предтеча. Посеянное им процвело спустя четыре столетия.

Микаэля Агриколу можно назвать и основоположником финской фольклористики. Вот он приводит примету: «*Poudixi cuum keha*» – «*К сухой погоде месяц виден диском*». Она звучит как строка руны! А вот первое упоминание легендарного рунопевца, зафиксированное письменно: «*Aenamoinen wirdhet takoo*» – «*Вяйнямёйнен ковал вирши*».

Микаэль Агрикола предваряет Э. Лённрота.

Начало Реформации сопряжено со вспышкой иконоборчества. Сколько памятников потеряла тогда культура! Если католическое – значит враждебное. А потому требующее уничтожения. Со-

бор в Тронхейме, где покоится святой Олаф, был опустошён фанатиками.

Финские реформаторы счастливо избежали подобных крайностей. Переход от старого к новому они предпочитали осуществлять в мягкой форме. Рывок к новому – и преемственность: быть может, в Суоми лучше других умеют сочетать эти противоположности. В этом отношении ей близка Япония, где новации и традиции совсем не альтернатива, а дополнительность.

Эразм Роттердамский и Мартин Лютер – это досадно, но где-то понятно – не принимали друг друга.

Микаэль Агрикола встал над схваткой. Ему были дороги оба. Эту свою склонность к синтезу – к широте всевмещения – Микаэль Агрикола сохранным передал всей финской культуре.

Человек деликатный и толерантный, Микаэль Агрикола обнаруживал кремнёвую твёрдость духа, когда дело касалось нравственных принципов.

По отношению к королю Густаву Вазе туркуский епископ вёл себя как дерзкий слушник. Монарх притеснял Церковь. Его политика по отношению к ней была по сути конфискационной.

Король – скряга! Он отнимал у священников *пребенды* – скромные поместья, обеспечивавшие их существование. Микаэль Агрикола осудил эти действия Густава Вазы. И тот прислушался к нелицеприятной критике.

В соборе Турку мы можем увидеть фреску Р.В.Экмана «Микаэль Агрикола вручает финский перевод Библии Густаву Вазе».

Это романтическая идеализация.

Не было такого вручения.

Было другое – полное равнодушие к положению великого просветителя. Желая поддержать финского студента, Мартин Лютер и Филипп Меланхтон снабдили его письмами к королю – надеялись привлечь монаршее внимание к таланту. Но имели ли корифеи Виттенберга авторитет в глазах Густава Вазы? Письма не вызвали желаемой реакции.

Микаэль Агрикола не раз обращался к королю с просьбой субсидировать творческую работу. Не получил ни одного зрелища!

Вот ещё один пример столкновения епископа и монарха. Испытывая острую нехватку подготовленных кадров, Густав Ваза в 1544 г. огорошил Микаэля Агриколу, тогда ректора туркуской школы, своим приказом: отправить лучших учеников в Стокгольм – их ожидали королевская канцелярия и налоговая палата.

Юношей надо было оторвать от учёбы.

Ректор проигнорировал волю короля.

Через год приказ повторили, придав ему строгий непреложный тон.

И снова ректор стоял как стена.

Увы, за это ему пришлось поплатиться должностью.

Правда, не сразу.

Паавила Юстен в своей «Истории епископов финских» утверждал, что увольнение пришлось на февраль 1548 г.

Всё-таки Густав Ваза не был мстительным и злопамятным. Значение Микаэля Агриколы он понимал. Грубых окриков не было. Тем более унижений. Скорее наоборот: терпя непокорность Микаэля Агриколы, Густав Ваза возвышал его.

Однако не всегда взлёты карьеры радовали Микаэля Агриколу. Самое почётное из них огорчило и раздосадовало реформатора.

Вот какая здесь коллизия: в 1554 г. Густав Ваза принимает решение о разделении Финляндской епархии на две части: Туркускую и Выборгскую. Микаэль Агрикола недоволен: такое расчленение работает против единства Церкви. Однако он смиренно принимает туркускую кафедру. А первым выборгским епископом становится его младший современник Паавила Юстен.

Одна из улиц в Выборге – недалеко от доминиканского монастыря – до осени 1944 г. носила имя Паавила Юстена. Вот его прозвище: «*финский Меланхтон*». Пиетета тут с избытком!

Очевидно, на переводческой стезе между Микаэлем и Паавила был соревновательный момент – это внесло в их отношения некоторый холодок. Ну что тут поделать? Творческие люди вовсе не обязаны рассыпаться друг перед другом в любезностях. Дистанцирование в данном случае естественнее солидарности.

Как бы то ни было, но на долю Паавила Юстена выпала печальная обязанность – проводить в последний путь Микаэля Агриколу.

В судьбе обоих реформаторов фатальную роль сыграла Россия.

Так получилось, что в 1557 году Микаэля Агриколу включили в состав посольства, направляемого в Москву. Миссия оказалась тяжёлой. Из-за поста она затянулась.

На обратном пути Микаэль Агрикола занедужил. Последний вздох он испустил на подъезде к Выборгу в деревне Кюрёниemi.

Похоронили его в городе юности.

Круг замкнулся.

Не имея к тому расположения, Паавали Юстен тоже принудительно стал дипломатом. Хуже того, ему пришлось возглавить посольство, призванное примирить Швецию и Русь.

Не тут-то было.

Два с половиной года посланники мыкались в России. По сути их сослали в Муром – и держали там как заложников. Свита Паавила Юстена потеряла 15 человек. Лишь в начале 1572 г. шведский посланник был принят Иваном Грозным. Самодержец выказал высокомерие. Его предложения и требования были заведомо неадекватными.

Результат миссии оказался провальным. Но мужеству Паавила Юстена было отдано должное – его возвели в дворянское звание. Дизайн герба своеобразен: епископская митра – и человек с розгой. Это память московского измывательства?

Густав Ваза отменил титул епископа. Официально было введено звание *ординария*. Паавила Юстен не роптал. В период 1555 – 1556 гг., когда Густав Ваза надолго застрял в Выборге, он много общался с королём. О монархе писал благоговейно.

Сервильность?

Мы не судьи.

Нам интересен контраст Паавила Юстена с Микаэлем Агриколой: первый уступчив, склонен к компромиссу; второй упрям – гнёт свою линию.

Разные судьбы, разные характеры, разные жизненные стратегии. И сколько созвучий!

Оба своими переводами претворяли, высветляли финский язык.

Оба беззаветно отдавали себя миссионерско-

му служению: Микаэль Агрикола уходил с проповедью в самые глухие места Суоми – его молодой современник и подвижник начал крестить лопарей.

Здоровье Паавила Юстена было подорвано мытарствами в России. Смерть последовала в 1575 году.

(Окончание в следующем номере)

Юрий Владимирович ЛИННИК

родился в 1944 году в Беломорске.

Ученый, доктор философских наук,

профессор КГПА,

автор многих книг стихов и прозы, искусствоведческих книг,

книг для детей о природе.

Член Союза писателей с 1970 года.

Живет в Петрозаводске.

